

— Ваше Величество, забудьте то, что я только что сказал, я не хочу попадать в холодный дворец, — Е Цзяньюй подошел к императору и, дергая его за рукав, продолжил:

— Я предпочел бы оставаться рядом с Вами, прикрываясь Вашим авторитетом, чем быть отправленным в холодный дворец, где меня будут унижать. В тех историях, которые я читал, любимые женщины императора годами влачили жалкое существование в холодном дворце. Какая в этом радость? Если бы был я, я бы предпочел быть блистательным щитом, и кто знает, может быть, со временем император полюбит этот щит, а его настоящая любовь навсегда останется в холодном дворце.

— Ты становишься все более изобретательным, — Ли Цзиньчэнь с удовлетворением погладил его по голове. — Быть императрицей и быть никем в холодном дворце — это две большие разницы. Власть в своих руках — это самое безопасное.

Е Цзяньюй поднял большой палец в знак одобрения.

— Наш император действительно крут.

Ли Цзиньчэнь легонько щелкнул его по губам.

— Впредь говори более изысканно. Я не хочу больше слышать такие грубые слова из твоих уст.

— Разве «крут» — это грубо? — Е Цзяньюй почесал затылок и, увидев, как император смотрит на него, испуганно убежал.

Вечером Е Цзяньюй снова не мог уснуть. В будущем во дворец войдет множество наложниц, и если он заранее не научится дворцовым интригам, его просто раздавят.

Поэтому на следующий день, когда мужчина-наложник снова пришел с подарками, Е Цзяньюй вызвал его на аудиенцию.

Мужчина-наложник был братом Фэн Цяньэр. До встречи Е Цзяньюй думал, что он будет похож на сестру — с агрессивной и соблазнительной внешностью, от которой мужчины теряют голову.

Однако, увидев его, он обнаружил, что этот мужчина не только не был соблазнителем, но и выглядел как очень добропорядочный ученый, из тех, кто в телесериалах говорит «Конфуций сказал...». У него были густые брови и большие глаза, и, вероятно, он был гетеросексуалом.

Е Цзяньюй с удивлением смотрел на него, хотел спросить, почему он решил стать наложником императора вместо того, чтобы сдать экзамены и стать чиновником. Ведь его отец был принцем-регентом, и, вероятно, ему даже не нужно было сдавать экзамены, чтобы стать чиновником. В конце концов, половина империи принадлежала их семье.

Мужчину-наложника звали Фэн Чуаньцин, и он говорил мягко и вежливо, совсем не похоже, что он из одной семьи с Фэн Цяньэр.

Увидев Е Цзяньюя, Фэн Чуаньцин сначала смущенно извинился за то, что его сестра проявила неуважение к императрице, и передал подарки от себя.

Он также сказал, что, хотя он сын принца-регента, его мать не была любимицей, и у него было мало денег, поэтому он мог позволить себе только небольшие подарки, надеясь, что Е Цзяньюй не будет их презирать.

Е Цзяньюй, увидев его скромность, почувствовал, что вся его враждебность исчезла, и даже начал жалеть его.

Они поговорили некоторое время, и большую часть времени говорил Фэн Чуаньцин, а Е Цзяньюй слушал.

Утром Ли Цзиньчэнь получил известие, что Е Цзяньюй встретился с Фэн Чуаньцином, и, опасаясь, что его маленькая императрица может пострадать, отправился проверить. Однако он не вошел сразу, а посмотрел в окно.

То, что он увидел, было двумя людьми, держащимися за руки, Фэн Чуаньцин говорил, а Е Цзяньюй слушал с покрасневшими глазами.

Ли Цзиньчэнь: «...»

Ли Цзиньчэнь кашлянул, привлекая их внимание.

Фэн Чуаньцин, увидев императора, сразу же опустился на колени и поклонился.

Е Цзяньюй, привыкший к императору, уже забыл, как нужно кланяться.

Он посмотрел на Фэн Чуаньцина и неловко стоял, теребя пальцы.

Ли Цзиньчэнь, видя его смущение, предложил им сесть и не быть такими скованными.

Е Цзяньюй вздохнул с облегчением и сел. Он посмотрел на Фэн Чуаньцина и заметил, что тот, хотя и встал, казалось, боялся императора, отодвигаясь назад. Если присмотреться, на его лице была заметна тень унижения.

Е Цзяньюй еще больше убедился, что Фэн Чуаньцин был гетеросексуалом. Гетеросексуалу, вынужденному жениться на другом мужчине, должно быть унижительно, а его супруг — император, поэтому он не мог открыто выразить свое унижение, и больше всего его переполнял страх.

Е Цзяньюй решил, что понял Фэн Чуаньцина, и еще больше пожалел его.

Как только император появился, Фэн Чуаньцин сказал, что не будет мешать, и ушел.

Это еще больше убедило Е Цзяньюя, что Фэн Чуаньцин не интересуется императором.

— Как ты считаешь, какой он человек? — спросил Ли Цзиньчэнь, когда тот ушел.

— Нормальный, думаю, с ним можно иметь дело, — ответил Е Цзяньюй.

Ли Цзиньчэнь покачал головой.

— Ты забыл все, что я тебе говорил?

— Вы говорили, что кто-то может притвориться хорошим, чтобы приблизиться ко мне, но я уже проверил его, он не похож на плохого человека, и кроме того... — Е Цзяньюй смущенно добавил:

— Он не интересуется Вами, он не будет со мной соперничать, значит, он не враг.

— Ты не задумывался, почему принц-регент отправил его во дворец? Если бы не было выгоды, принц-регент стал бы отправлять своего сына во дворец? — Ли Цзиньчэнь, как учитель, задал Е Цзяньюю вопрос, чтобы тот сам подумал.

Е Цзяньюй не задумывался об этом раньше. Он всегда был наивен и глуп, многое воспринимал поверхностно, не углубляясь.

Теперь, когда Ли Цзиньчэнь задал этот вопрос, он начал усиленно думать.

Раньше он думал просто: принц-регент считал, что Ли Цзиньчэнь не любит женщин, поэтому отправил сына. Но почему принц-регент так настойчиво пытается внедрить кого-то в дворец?

Фэн Цяньэр было легко понять: она могла родить императору ребенка, который был бы связан кровными узами с принцем-регентом. Принц-регент мог убить императора и сделать своего внука императором, что было бы очень невыгодно для вдовствующей императрицы.

Когда ребенок вырастет, он, конечно, будет больше склоняться к своей матери, и вдовствующая императрица станет бесполезной, и вся империя перейдет к семье принца-регента.

Но если принц-регент понял, что император не любит женщин, то отправка мужчины-наложника не имеет смысла, ведь мужчины не могут рожать детей. Отправка мужчины-наложника могла быть только для того, чтобы угодить императору.

Но власть принца-регента больше, чем у императора, и нет причин угождать марионеточному императору.

Е Цзяньюй не мог понять, но Ли Цзиньчэнь знал, что цель отправки мужчины-наложника — карта сокровищ.

Карта была готова, но ее нельзя было просто отдать. Нужно было, чтобы принц-регент считал, что карту было трудно получить, чтобы он поверил в ее подлинность.

Но об этом пока нельзя было говорить Е Цзяньюю, ему нужно было еще вырасти.

Е Цзяньюй думал всю ночь, но так и не понял. Он пошел к императору и спросил:

— Ваше Величество, как вы думаете, почему принц-регент отправил мужчину-наложника во дворец?

Ли Цзиньчэнь:

— Ты всю ночь думал и не понял?

Е Цзяньюй почесал голову.

— Мужчина-наложник не может рожать детей, значит, они хотят использовать его, чтобы получить что-то от Вас.

— Ты же сам это понял, почему говоришь, что не понимаешь? — спросил Ли Цзиньчэнь.

— Потому что я действительно не понимаю, что они могут получить от Вас, у Вас же ничего нет, — сказал Е Цзяньюй, и, боясь, что император рассердится, быстро добавил:

— Кроме меня, маленького сокровища, у Вас ничего нет.

Е Цзяньюй сам смутился от своих слов и хотел убежать, но Ли Цзиньчэнь обнял его за талию и притянул к себе.

— Если ты не можешь понять, почему бы тебе не приблизиться к нему и не посмотреть, что он собирается делать? Это готовый инструмент для тренировки, не стоит его тратить впустую.

Е Цзяньюй подумал, что Фэн Чуаньцин такой жалкий, как он может быть инструментом для тренировки... Но если Ли Цзиньчэнь говорит, что он плохой, то, вероятно, так и есть, и нужно быть настороже.

— Ваше Величество, вы хотите, чтобы я пошел на его уловку? Что бы он ни делал, я буду следовать за ним, и со временем станет ясно, что он задумал? — спросил Е Цзяньюй.

— Да, и все, что вы делаете каждый день, нужно мне докладывать, — сказал Ли Цзиньчэнь, действительно беспокоясь, что Е Цзяньюй обманут, а он еще и будет считать деньги.

На следующий день Фэн Чуаньцин пришел к Е Цзяньюю с визитом и обнаружил, что тот уже ждал его, как будто он опоздал.

Они снова поговорили некоторое время, и Е Цзяньюй перешел к делу.

Он спросил его, почему он стал наложником, ведь вчера он так явно не любил императора.

Фэн Чуаньцин с испугом ответил, что он не осмеливается не любить императора.

<http://bllate.org/book/16199/1453623>